

Оригинальная статья / Original paper

Суад Слим

Значимость культурного влияния российских школ в Леванте

Аннотация

Статья посвящена анализу значимости культурного влияния российских школ, созданных Императорским православным палестинским обществом в Леванте в конце XIX — начале XX в. Исследование затрагивает важный аспект социокультурного взаимодействия России с ближневосточным регионом, который является недостаточно изученным в современной историографии. Целью работы является изучение влияния российских школ на формирование культурной, религиозной и национальной идентичности арабских православных общин, а также их роль в процессе арабизации патриархатов. Автор демонстрирует, что российские школы не только предоставляли бесплатное образование, но и способствовали укреплению арабского языка и литературы, формированию местной интеллигенции, а также развитию культурного движения Нахда. На примере выпускников (Михаила Нуайме, Халиля Байдаса и др.) показано, как знакомство с русской литературой и культурой повлияло на становление арабской литературы и журналистики. Особое внимание уделено роли российских дипломатов и педагогов в поддержке арабских православных общин в их стремлении к арабизации церковного управления. Исследование подтверждает, что деятельность российских школ и дипломатов сыграла ключевую роль в процессе арабизации Антиохийского патриархата и способствовала культурному возрождению арабского мира. Вклад работы заключается в привлечении новых исторических источников (интервью), а также системном анализе исторических свидетельств, демонстрирующих взаимосвязь образовательной политики России с религиозными и национальными процессами в Леванте.

Ключевые слова:

Российские школы, православные общины Леванта, Императорское православное палестинское общество, Ближний Восток, Антиохийский патриархат, Иерусалимский патриархат, Нахда.

Для цитирования:

Слим С. Значимость культурного влияния российских школ в Леванте // Исторический вестник. 2025. Т. 54. С. 198–215. [DOI: 10.35549/HR.2025.2025.54.005](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.54.005)

Souad Slim

The Important Influence of Russian Schools in the Levant

Abstract

The article analyzes the cultural significance of the Russian schools established by the Imperial Orthodox Palestine Society in the Levant in the late 19th and early 20th centuries. The study addresses an important yet understudied aspect of the sociocultural interaction between Russia and this Middle Eastern region in modern historiography. The aim of the article is to examine the influence of Russian schools on the formation of the cultural, religious, and national identity of Arab Orthodox communities, as well as their role in the process of the Arabization of the patriarchates. The author demonstrates that the Russian schools not only provided free education but also contributed to strengthening the Arabic language and literature, the development of a local intelligentsia, and the broader cultural revival known as the Nahda. Through the example of the schools' graduates (such as Mikhayil Nu'aymeh, Khalil Baydas, and others), the study shows how exposure to Russian literature and culture influenced the emergence of modern Arabic literature and journalism. Particular attention is given to the role of Russian diplomats and educators in supporting the Arab Orthodox communities in their pursuit of the Arabization of the local church administration. The research confirms that the activities

of Russian schools and diplomats played a key role in the Arabization of the Antiochian Patriarchate and contributed to the cultural renaissance of the Arab world. The main contribution of the work lies in the use of new historical sources (including interviews) as well as in the systematic analysis of historical evidence demonstrating the interconnection between Russia's educational policy and the religious and national developments in the Levant.

Keywords:

Russian schools, Orthodox communities of the Levant, Imperial Orthodox Palestine Society, Middle East, Antiochian Patriarchate, Jerusalem Patriarchate, Nahda.

For citation:

Slim S. The Important Influence of Russian Schools in the Levant // *The Historical Reporter*. 2025. Vol. LIV. P. 198–215. DOI: [10.35549/HR.2025.2025.54.005](https://doi.org/10.35549/HR.2025.2025.54.005)

Н

ачиная с XVI в. с прибытием на Восток католических и протестантских миссионеров множество православных семей оказалось под влиянием Запада и школ, открытых при миссиях. В результате эти семьи зачастую переходили в католицизм или протестантизм. В последующие века Османская империя, получившая прозвище «большой человек Европы», оказалась под властью европейских держав, чьи привилегии и интересы были официально закреплены в капитуляционных договорах. Различные религиозные братства и ордены внутри общин оказались тесно переплетены с политическими интересами этих держав, получая от них пожертвования и защиту для своих школ: католики — от Франции и Австрии, протестанты — от Великобритании, Пруссии, а позже и от Соединенных Штатов Америки. Их школы распространились по всей Османской империи, особенно в Сирии, Ливане и Палестине. Русские начали учреждать школы на Ближнем Востоке только в последней четверти XIX в. Первые такие школы Императорское православное палестинское общество открыло в Галилее в 1882 г.

Накануне Первой мировой войны число русских школ достигло 105. Несмотря на недолгое время их работы на Востоке, память о них осталась жива в сознании православных общин региона. Эти школы, помимо того

что были бесплатными, снабжали учеников книгами и школьными принадлежностями.

Значительное внимание в них уделялось преподаванию православной веры: догматике, истории и житиям святых. Особняком стояло также преподавание арабского языка, причем его литературные и поэтические традиции ценились в школах очень высоко.

О важности русских школ в Леванте свидетельствуют и воспоминания их бывших учеников. В статье приведены свидетельства Михаила Нуайме и Жоржа Ханна, мнение мусульманского шейха-преподавателя арабского языка, а также отклики других миссионеров, работавших в регионе. В заключительной части рассматривается роль России в арабизации Антиохийского патриархата.

1. Два свидетельства бывших учеников

В автобиографии Жорж Ханна восхваляет либеральность и бесплатный характер этих школ, тогда как Михаил Нуайме подчеркивает важность факта доступа девочек к образованию, отмечая их интерес к арабскому языку.

Жорж Ханна, учившийся в школе Шуэйфата, вспоминает, что эти учреждения воспитывали в сердцах детей любовь к России. Для католиков и протестантов Россия представлялась покровительницей всех православных христиан. Несмотря на поражения России в войне с Японией и революцию 1905 г., дети продолжали кричать «Да здравствует царь!», не подозревая, что спустя несколько лет он отречется от престола. Русские школы принимали всех, причем без религиозной сегрегации. Все было бесплатно: обучение, школьная форма, книги и т.д. Благодаря этому даже дети из беднейших семей, которым иначе никогда бы не позволили посещать школу, могли получить хоть какое-то образование. Ханна прямо указывает, что уровень преподавания арабского языка в русских школах был выше, чем в миссионерских школах, где преподавали главным образом патронажные языки¹.

Михаил Нуайме, другой выпускник русской школы, окончивший мужскую учительскую семинарию ИППО в Назарете, и затем учившийся в университете в России², писал: «Впервые в Баскинте была создана образ-

¹ *Hannā J.* Qabl al-maghīb: tajārib wa-dhikrayāt min ḥayātī [Перед закатом: Опыт и воспоминания из моей жизни]. Багдād, 1963. P. 60.

² Михаил Нуайме учился в Полтавской духовной семинарии (1906–1911). (Прим. ред.)

цовая школа. Впервые девочки смогли учиться вместе с мальчиками по хорошо выстроенной программе, с поставленной дисциплиной и (прекрасными) курсами. Особое внимание уделялось арабскому языку, в отличие от других школ»³.

Михаил Нуайме, а также Халиль Байдас (оба бывшие ученики русских школ) свидетельствовали о сильном влиянии русского языка и литературы на их жизнь.

Они открыли для себя новые формы самовыражения, новые стремления, новые горизонты и новые виды деятельности. Русские школы способствовали рождению арабского культурного движения в Северной Америке. Так, литературное объединение «Ар-Рабита аль-каламийя» (The New York Pen League, «Нью-Йоркская литературная лига») было создано в Нью-Йорке четырьмя выпускниками русских школ: тремя сирийцами — Надрой Хаддадом, Абд аль-Масихом Хаддадом и Насибом Аридой (учились в русской школе в Хомсе) и ливанцем Михаилом Нуайме (учился в Баскинте). Насиб Арида и Михаил Нуайме также обучались в мужской учительской семинарии ИППО в Назарете⁴. В объединение вошли и два ливанских поэта — Джебран Халиль Джебран и Элиа Абу Мади.

А.А. Дмитриевский, занимавший должность секретаря ИППО (с 1907 г. — *Прим. ред.*), сожалел об эмиграции двух последних в США, считая, что таким образом русские школы теряют будущих учителей, но при этом надеялся, что они послужат проводниками великой русской литературы в Новом Свете. Эти надежды оправдались: Абд аль-Масих Хаддад и Насиб Арида в 1912 г. основали в Нью-Йорке журнал «Ас-Саих» («Путешественник»)⁵, где публиковались переводы русской литературы. В 1913–1918 гг. Насиб Арида редактировал журнал «Аль-Фунун» («Искусства»), в котором печатались произведения Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других авторов в арабских переводах.

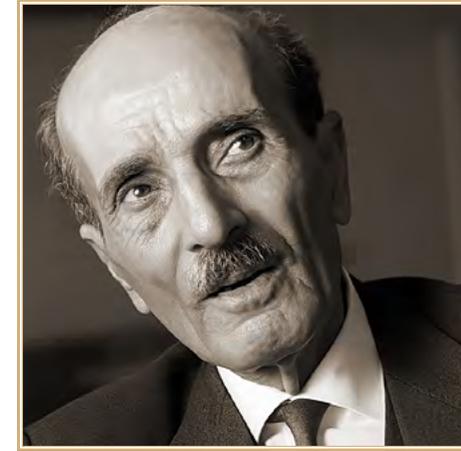
В Палестине выпускники русских школ внесли свой вклад в арабское движение «Нахда»⁶. Так, Селим Кобейн после окончания мужской учительской семинарии ИППО в Назарете поселился в Египте, где занимался пе-

³ *Nu aymeh M. Sab'ün* [Семьдесят]. 3 vol. Baugūt, 1960. P. 86. (В русс. переводе: «Мои семьдесят лет / Пер. с араб. С.М. Базиевой. М.: Наука, 1980. 236 с. — Прим.ред.)

⁴ Окончил мужскую учительскую семинарию ИППО в Назарете в 1906 г. (*Прим. ред.*)

⁵ *Tarāzī Ph. Ta'rikh aş -ṣahāfa al-'arabīya* [История арабской прессы]. Vol. 3. Baugūt, 1933. P. 4.

⁶ «Нахда» — арабское культурное и литературное возрождение на Ближнем Востоке во второй половине XIX в.

Михаил Нуайме.

<https://www.arabamerica.com/pathbreakers-of-arab-america-mikhail-naimy/>

реводами Толстого, публиковал статьи о русской литературе и, более того, разработал сельскохозяйственный проект по российскому образцу.

Михаил Нуайме, учившийся в Полтавской семинарии (а позже член «Ар-Рабита аль-каламийя»), говорил: «Я с головой погрузился в русскую литературу. Я жадно читал. Трудно было найти автора, которого я не знал. К моменту моего отъезда из России мне стала очевидна литературная стагнация арабского мира. Это было обескураживающе унижительно для того, кто познакомился с изысканным искусством Пушкина, Лермонтова, Тургенева, смехом и слезами Гоголя, подкупающим реализмом Толстого, критическим идеалом Белинского и прежде всего с великой человечностью самого глубокого и мощного писателя — Достоевского».

Халиль Байдас, выпускник палестинских школ, писал о том влиянии, которое на него оказали русский язык и литература: «Мне полюбился не только русский язык сам по себе. Едва я начал писать на нем, как начал поглощать книги, которых в школьной библиотеке было много. Каждая книга постепенно разгоняла туман, закрывавший мое представление о России. Сначала это было всего лишь слово, но потом оно стало страной, затем идеей, и, наконец, целым миром — и это был единственный мир, в котором я мог жить и дышать»⁷.

Эти свидетельства показывают, что русская литература глубоко вдохновляла бывших учеников русских школ, которые, профессионально овладе-

⁷ Данное свидетельство Х. Байдаса процитировано в: *Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 157–158. (взято из: *Шифман А.И. Лев Толстой и Восток*. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 447).

арабским языком, инициировали литературное возрождение в Ливане, Сирии и Палестине. Благодаря этому движению русские школы внесли огромный вклад в развитие и модернизацию арабской литературы. Эти студенты преуспели в таких областях, как журналистика, литература и литературный перевод. Халиль Байдас, также выпускник мужской учительской семинарии ИППО в Назарете, преподавал в русских школах Хайфы и Дамаска, а также переводил А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. С 1908 по 1914 г. он издавал в Иерусалиме журнал «Аль-Нафаис» («Драгоценности»), полностью посвященный публикации произведений русских писателей в арабских переводах.

2. Свидетельства других европейских миссионеров

О важности русских школ в Леванте писали и представители других европейских миссий. В этом контексте восхищение русских инспекторов немецкими школами оказалось взаимным. Миссионер Мартин Хартман писал, что Императорское общество, основанное великим князем Сергеем, оказывало помощь благочестивым русским паломникам и проводило эффективную образовательную политику: «Общество основывает школы по всей Сирии, даже в самых отдаленных районах». Хартман также говорил, что османские власти внимательно следят за этой деятельностью, опасаясь возможного вмешательства России во внутренние дела государства. Однако, по его мнению, бояться этого не следовало⁸. Во время своего путешествия Хартман отмечал присутствие русских школ в Хомсе и Латакии, где уже имелись католические и протестантские учебные заведения. «Русские, — писал он, — обосновались и в Бейруте, где открыли пять школ, в которых обучается 1050 учеников в четырех районах города, причем они заботятся и о беднейших учениках»⁹.

В Сирии и Палестине на тот момент действовало более ста русских школ, однако в Хаме их не было вовсе. Там функции поддержки христианской, в основном православной, общины выполняло российское консульство¹⁰. В те годы немецкая пресса советовала Германии брать пример с России в том, что касается организации подобных школ.

Иное мнение высказывали французские католические миссии, недовольные успехами русских школ в Палестине и Сирии. Газета «La Vérité» писала

⁸ Hartmann M. Reisebriefe aus Syrien. Berlin: Outlook Verlag, 1913. Einführung. S. XIII–XIV.

⁹ Op. cit. P. 33, 77.

¹⁰ Op. cit. P. 59.

Воспитанники мужской учительской семинарии ИППО в Назарете
Русские учреждения в Святой Земле и почившие деятели
Императорского Православного Палестинского Общества. XXV. 1882–1907. СПб.:
Тип. В.Н. Кирибаума, 1907 г.

с досадой: «Если не изменится политика Франции в Святой Земле, влияние Франции исчезнет и заменится влиянием России»¹¹. Факт приобретения земель и расширения школ уже вызывал серьезное беспокойство у католиков.

В той же газете отмечалось: «Нужно ли еще дожидаться, чтобы Россия получила привилегию покровительствовать православным и чтобы она завела учебные заведения в самом Иерусалиме? За 100 тысяч человеческих жертв и миллиард издержек во время Севастопольской войны Франция приобрела единственный участок земли с домом Богоотца Иоакима и Анны».

Эти выдержки из «La Vérité» были перепечатаны в издании Императорского православного палестинского общества «Палестинский сборник», причем редакция с гордостью заключала: «Неудовольствие наших противников составляет лучшее указание на важность задачи, выпавшей на долю России в Святой Земле, на ее обязанности там для защиты православного населения...»¹².

3. Свидетельства мусульманского шейха, профессора арабского языка

В целом образ России в глазах местных общин был исключительно положительным. К тому же XIX в. был временем стремительного расширения Российской империи, находившейся на пике могущества. Шейх Мухаммед

¹¹ Науськивание Франции на Россию в Святой Земле. Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1895. Август. С. 401–409.

¹² Там же.

Айяд ат-Тантави, преподаватель арабского языка в русской школе в Иерусалиме (основанной при миссии архимандрита Капустина¹³ в 1855 г.), а затем профессор арабского языка в Петербургском институте восточных языков, написал три стихотворения (оды) в прославление России и ее царей, отличающиеся пышным панегирическим стилем.

Первое стихотворение было посвящено 25-летию коронации императора Николая I (1825–1855). Автор перечисляет и прославляет деяния и победы царя: военные успехи, укрепление армии, возведение великолепного дворца. Особое место, однако, он отводит постройке грандиозного моста с аркадами через Неву, который облегчает передвижение населения во время снегопадов и который, по его мнению, превзошел даже пирамиды фараонов. После этого поэт снова восхваляет силу и славу русской армии, а также расширение территорий, которое является причиной явного и бессильного гнева и зависти других стран по отношению к России. Он также пишет о царской семье, превознося красоту императрицы — «матери бесчисленных детей» (من المنجيات بلا عد) — и сыновей императора, из которых один стал наследником престола, а другой — генералом армии.

Последняя строка оды использует традиционный метод датировки, при котором числительное значение букв в словах, следующих за указанным датируемым словом, позволяет определить точную дату коронации¹⁴.

Второе произведение (элегия) было написано в связи с кончиной императора Николая I. Автор описывает это событие как астрономическую катастрофу: падение небес, землетрясение, затмение луны и солнца, исчезновение планеты Венера. Иностранцы, журналы и сироты оплакивают императора, вспоминая его щедрость. Его мужество и борьба с врагами не мешали ему освободить заложников и пленников. Оплакивают его также построенные им здания, школы, газеты и даже карандаши. Его дочери и подданные скорбят о нем. Его флот и вся Россия оплакивают его. Поэма заканчивается тем же способом датировки события.

Третье стихотворение того же автора посвящено воцарению его сына Александра II (1855). Здесь описание народной скорби сменяется описанием радости: новый государь предстает искусным всадником и охотником, победителем врагов. Автор также воспеваает красоту новой царицы, перед которой «склоняется луна», а дети, пишет ат-Тантави, «почитаются как цветы, чей аромат окутывает мир благоуханной росой»¹⁵. Стихотво-

¹³ Школа при российской миссии, которая была открыта до создания ИППО.

¹⁴ Arabic Manuscript 111. University of Halle. Manuscript Department.

¹⁵ Arabic Manuscript 111. University of Halle. Manuscript Department.

рение восхваляет силу войск нового царя и его победы на территориях, где после побед устанавливается справедливость. Поэт упоминает, что имел честь встретиться с царем и что тот был милостив. Более того, даже после датировки автор продолжает восхвалять царя в пяти стихах, описывая его поездку в Париж и подписание договора, завершившего войну.

Хотя эти стихи были написаны в XIX в., в них слышится эхо стихотворения епископа Иссы, который сопровождал Антиохийского патриарха Иоакима Дау в Россию в XVI в. В нем проявляется такое же восхищение мощью и славой России, то же изумление перед величием и роскошью царской власти. Однако примечательно то, что шейх ат-Тантави восхваляет военные победы и потомство царской семьи как Николая I, так и его преемника Александра II, несмотря на то, что сам он мусульманин и подданный Османской империи.

Форма восхищения Россией, представленная в этих стихах, не только находила отклик в местных сообществах, но и отражала искренний интерес православных ко всем новостям, поступавшим из России. Так, в 1905 г. известие об убийстве великого князя Сергея как громом поразило студентов мужской учительской семинарии ИППО в Назарете. Студенты не могли понять, как дядя царя, основатель Общества, так щедро относившийся к ним, мог быть так ненавидим в собственной стране. Школа организовала траурное собрание в его память, на которое пришли все выдающиеся жители Назарета. Руководство школы выбрало стихотворение студента Михаила Нуайме для публичного чтения. При написании мемуаров автор помнил только следующие две строки¹⁶:

سرى نعيه بالبرق في كل جانب
وما كان ظني الطود بالبرق يرفع

(«Весть о его смерти разнеслась, как молния со всех сторон, и я не думал, что молния может свалить гору»).

Восточную православную общину потрясло еще одно событие, связанное с Россией, а именно Русско-японская война (1904–1905). В то время радио еще не существовало, и газеты из Бейрута шли до Назарета не менее недели, а российские газеты — около месяца. Поражение адмирала Степана Макарова и уничтожение его броненосца «Петропавловск» в порту Владивостока (1904) воспринимались как великая трагедия в школах Назарета. Православные приходили в мужскую учительскую семинарию ИППО, чтобы узнать последние новости о войне.

¹⁶ Nu'aymeḥ M. Tiṣ'ūn: Wuqūf fi al-muwājahah [Девяносто: предстояние перед лицом (судьбы)]. Bayrūt: 1988. P. 213–214.

Нуайме повествует, что студенты иногда специально искажали события, чтобы вызвать у старого господина, очень привязанного к России, драматическую реакцию, выраженную в восклицании¹⁷: «Слава ему, да дарует ему Господь победу!»

Эта война породила песню в честь российского царя; ее пели на мотив турецкой песни «Ускудар» или арабской песни «Ya banat Iskandaria» («Девушки Александрии»):

مَنان يا صنه نيقولا الروس قيصر
اليابان حرب في حليفه النصر واجعل

(«О, царь русских Николай, да хранит его Бог Милостивый, И да будет победа его союзником в войне против Японии»).

Эту колыбельную до сих пор поют ливанские православные бабушки, баюкая своих внуков¹⁸.

Влияние России на православные общины региона сохранялось даже после Октябрьской революции 1917 г. Например, в Ливане в конце Второй мировой войны, после победы союзников, во время Пасхальной святой литургии в Баскинте в 1945 г. служители пели: «Да хранит Бог нашего героя Сталина» вместо молитвы «Да хранит Бог наших православных царей».

В православных домах Курры (территории на северо-западе Ливана) можно было видеть фотографии Ленина и Сталина по обеим сторонам иконы Богородицы у тех же людей, которые ранее вешали на стены фотографии царя Николая II и его семьи.

4. Роль России в арабизации Антиохийского патриархата

В народной памяти арабизация Антиохийского патриархата остается одним из крупнейших достижений России на Ближнем Востоке.

В 1895 г. греческий Антиохийский патриарх в Дамаске Спиридон I, находившийся в крайне тяжелом положении, непопулярный в народе и погрязший в долгах, пригласил Императорское православное палестинское общество взять под управление школы его патриархата, рассчитывая воспользоваться известностью и эффективностью Общества. Это решение имело первый важный результат — ускорение процесса арабизации Антиохийского патриархата.

Однако этим шагом Спиридон подписал себе приговор: через четыре года¹⁹ он был вынужден бежать в Константинополь (см. ниже).

Еще одним последствием стало быстрое расширение школьной сети. Если в 1895 г. в Сирии было 15 школ, то к 1900 г. их число достигло 41, а число учеников — 5500. С приходом Мелетия, первого арабского патриарха на Антиохийском престоле с 1724 г., в 1905 г. в Сирии насчитывалось уже 70 русских школ с более чем 9000 учеников. Такой рост стал тяжелым финансовым бременем для Палестинского общества и вызвал недовольство его части. Великий князь Сергей Александрович, основатель и почетный председатель Общества, видел в этом отход от первоначальных целей — помощи паломникам в Святой земле. Еще в отчете за 1888–1890 гг. говорилось, что Сирия не должна становиться полем деятельности, подменяющим задачи Общества в Палестине²⁰.

Арабизация Антиохийского патриархата в 1899 г. стала результатом целой цепи событий. Негативные чувства к греческому патриарху среди арабских прихожан значительно усилились после греческой войны за независимость (1821–1832). Греки превратились из подданных Османской империи в иностранцев и «врагов государства». Империя, весьма недовольная результатами войны, выместила свой гнев на православных подданных, особенно на тех, кто посмел сочувствовать Греции. В Бейруте и сирийских прибрежных городах с большими греческими общинами произошли волнения в поддержку греков. Протестантская типография, основанная в Бейруте в 1827 г., была вынуждена переехать на Мальту, где она действовала несколько лет, прежде чем вернуться обратно. Османские власти в качестве ответной меры в 1848 г. признали греко-католиков после многократных прошений их патриарха Максима III Мазлума (1833–1855). Архимандрит Порфирий (Успенский) (один из немногих русских деятелей, хорошо знавший положение Антиохийской церкви до 1850 г. и возглавлявший Русскую духовную миссию в Иерусалиме) считал невозможным, чтобы Сирийской православной церковью управлял грек, и советовал Русской церкви добиваться избрания арабского патриарха.

Вопрос об арабизации Антиохийского патриархата вновь обострился во время болгарского кризиса. В 1872 г. жители Дамаска восстали против греческого патриарха Иерофея, который вместе с Константинополем проголосовал за отлучение болгар. Для антиохийцев это стало поводом к вос-

¹⁹ В 1898 г. (Прим.ред.)

²⁰ Hopwood D. *The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 150.

¹⁷ Устное свидетельство Мари Закур (интервьюер — Суад Абу-Русс-Слим). 2000 г.

¹⁸ Интервью с доктором Надимом Нуайме (племянником Михаила Нуайме). 2012 г.

станию против своего патриарха, а православные Дамаска в основном возмущались распределением доходов патриархата²¹.

Православные верующие Дамаска нашли поддержку в своем восстании против патриарха у российского генерального консула в Дамаске А.П. Беляева. Последний был направлен из Иерусалима в Дамаск, который вскоре стал местом пребывания Генерального консульства. По-видимому, это назначение не было формальной процедурой: Беляев весьма интересовался арабскими делами и положением православной церкви, а позднее стал председателем Императорского православного палестинского общества²². Он установил связи с арабскими епископами, в частности с епископом Захлы Герасимом Яредом, в прошлом учившимся в России²³, и, видя рост арабских национальных настроений, примкнул к арабским епископам в их борьбе против греческого патриарха Спиридона I.

Арабские епископы, требуя избрания арабского патриарха, одновременно ставили вопрос о школах в Антиохийском патриархате. Спиридон надеялся успокоить паству, улучшив школы и передав их под управление Императорского общества. Однако патриарх не предвидел, что арабские епископы при поддержке России сумеют донести свой голос до столицы — Стамбула и до Высокой Порты, т. е. до духовной и светской власти Османской империи.

Летом 1898 г. антиохийский Синод с большинством арабских епископов низложил Спиридона. Тот укрылся в Сайднайском монастыре, а затем бежал в Константинополь²⁴. Переговоры о его преемнике растянулись на два года²⁵.

Чтобы провести избрание арабского патриарха из своих рядов, епископам требовалась поддержка в двух центрах — в Дамаске, где нужно было убедить арабских архиереев и местные власти, и в Константинополе, чтобы противостоять сопротивлению Вселенского патриархата. Они воспользовались поддержкой Беляева в Дамаске и российского посла Зиновьева в Стамбуле.

Основной проблемой православных Дамаска было отсутствие официального устава Антиохийской церкви, документа необязательного, поскольку долгое время патриархат действовал под покровительством Константинопольского патриарха. Но избрание патриарха требовало утверждения

²¹ Op. cit. P. 162.

²² В 1903–1906 гг. А.П. Беляев был секретарем ИППО. (Прим. ред.)

²³ Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 160.

²⁴ 31 января 1898 г. патриарх Спиридон подписал акт канонической отставки с престола Антиохии. (Прим. ред.)

²⁵ Hopwood D. Op. cit. P. 166.

Бет-Джала. Воспитанницы женской учительской семинарии ИППО
Русские учреждения в Святой Земле и почившие деятели
Императорского Православного Палестинского Общества. XXV. 1882–1907. СПб.:
Тип. В.Н. Кирибаума, 1907 г.

его кандидатуры османским наместником Дамаска, который настаивал на участии в выборах греческих епископов. Синод назначил патриаршим викарием греческого епископа Аданы Германоса (Германа), который председательствовал на Синоде. Однако арабских епископов (во главе с епископом Захлы Герасимом Яредом) было большинство, и они твердо намеревались избрать в Дамаск арабского патриарха.

В Константинополе же спор выделил две противоборствующие стороны: султана Абдул-Хамида II и его министров. Российский посол обратился к Великому визирю Тевфику-паше с доводами в пользу арабского патриарха²⁶: по его словам, система автокефальных патриархатов, независимых от Константинополя, затруднит объединение православных ради политических целей. Визирь не согласился с подобными доводами, но посол убедил султана, и османская администрация признала, что противостоять российскому давлению невозможно.

Греческий патриархат Константинополя в ответ обратился за поддержкой к Франции и Великобритании, предупреждая об усилении российского влияния на Востоке. Французский посол отказался вмешиваться из-за франко-русского союза. Британский посол О'Коннор также воздержался от участия в конфликте, напрямую не затрагивающем интересы Англии, но неофициально послал переводчика к секретарю султана и предупредил об «опасности официальной поддержки русской пропаганды».

Великий визирь принял делегацию, состоящую из представителей трех греческих патриархатов и посланника самого Вселенского патриарха²⁷,

²⁶ Op. cit. P. 168.

²⁷ Т. е. Константинопольского патриарха.

которые преподнесли ему в подарок 25 тыс. турецких лир. Османские министры не могли прямо выступить против султана, поэтому они приняли сторону греческих патриархов, попытавшись повлиять на действия губернатора Дамаска Назима-паши²⁸.

Именно позиция Назима-паши во многом предопределила исход конфликта. С самого начала он склонялся к поддержке арабской стороны. При этом он оказался в неловком положении из-за разногласий между султаном и его министрами, а также из-за постоянного давления, оказываемого греками и русскими в Дамаске. В марте 1899 г., вскоре после визита посла Зиновьева к султану, Назим-паша сообщил Антиохийскому синоду, что получил приказ сместить патриаршего vicария Германоса за его неповиновение решению большинства Синода и предложил назначить на его место епископа Латакии Мелетия аль-Думани. Султан утвердил это назначение в марте 1899 г.

Высокая Порта уведомила Назима-пашу, что три греческих патриархата подали протест против исключения греческих епископов из выборов, считая это нарушением своих прав. На это православные ответили: их язык — арабский и священное право требует, чтобы духовный глава был арабским османом, служащим государству и своей общине. Они утверждали, что ситуация, существовавшая в XVIII и XIX вв., не повлияла на древнюю традицию избрания патриарха различными епископами и приходскими общинами²⁹.

Наместник переслал этот ответ в Стамбул, что лишь усилило путаницу. Арабы были в отчаянном положении, что заставляло их торопиться; они хотели провести выборы до официального разрешения. Беляев обещал обратиться к царю за поддержкой кандидатуры арабского патриарха. Большинство епископов считали, что им следует воспользоваться поддержкой султана и потребовать немедленных выборов без участия антиохийской паствы. Вскоре кандидатов определили: Мелетий (Латакия), Афанасий (Хомс) и Герасим (Захла). Когда двери Дамасской кафедральной церкви, ненадолго закрытые для выборов, вновь открылись, толпе объявили об избрании Мелетия аль-Думани патриархом Антиохийским. В районе Баб Шарки празднования длились до полуночи.

Для официального признания новоизбранному патриарху требовался «фирман о возведении» (указ) от султана. Вселенский патриархат направил во дворец свое возражение против этих выборов³⁰. В результате жарких споров Совет министров постановил восстановить Германоса, епи-

²⁸ Hopwood D. Op. cit. P. 168.

²⁹ Op. cit. P. 169.

³⁰ Op. cit. P. 170.

Женская школа Императорского православного палестинского общества в Дамаске.

*Русские учреждения в Святой Земле и почившие деятели
Императорского Православного Палестинского Общества. XXV. 1882–1907. СПб.:
Тип. В.Н. Кирибаума, 1907 г.*

скупа Аданы, в должности vicария и провести новые выборы. Совет также распорядился, чтобы Назим-паша сместил Мелетия. Однако Назим-паша, хоть и был разочарован арабскими православными (которые на практике отходили от поддержки османского правления), продолжал поддерживать их и не предпринял никаких действий. Арабы теряли надежду, а напряженность в Дамаске росла из-за многочисленных демонстраций и конфликтов. Летом 1899 г. Дамаск посетил бывший российский посол в Константинополе Нелидов. После его отъезда Назим-паша вызвал российского консула Беляева и сообщил ему в присутствии нескольких арабских священников, что никакой угрозы смещения Мелетия нет³¹.

В Стамбуле российский посол И.А. Зиновьев продолжал переговоры с султаном, убеждая его, что отказ признать Мелетия вызовет ожесточенное недовольство среди арабских православных и может подтолкнуть их к союзу с арабскими мусульманскими движениями, выступавшими за национальную независимость.

Что касается арабских православных, они ясно осознавали, что их главные противники — это Вселенский патриарх и английский посол в Константинополе О'Коннор, заявивший, что избрание арабского патриарха лишь усилит российское влияние. Однако арабо-православная политика как раз и заключалась в том, чтобы не допустить подчинения России. Они официально заявили: «Ничто не связывает арабских православных

³¹ Op. cit.

с Россией, кроме общности веры, которая также связывает их с греками, болгарами и румынами»³².

До середины сентября 1899 г. никаких действий по низложению Мелетия предпринято не было. Султан и Назим-паша твердо удерживали свои позиции: Мелетий получил дружественный ответ на свою поздравительную телеграмму по случаю годовщины восшествия султана на престол. В ноябре, когда Синод был созван для проведения новых выборов, Мелетий вновь был избран. Уже через четыре дня Назим-паша получил фирман о возведении от султана и Высокой Порты. 13 ноября 1899 г. Мелетий был торжественно возведен на патриарший престол в Дамасском кафедральном соборе в присутствии арабских епископов Синода, Беляева — русского консула в Дамаске, а также всего консульского состава. В тот же вечер Беляев участвовал в праздничной трапезе вместе с патриархом и епископами.

Этот драматический эпизод в истории отношений между Антиохийским патриархатом и Россией стал краеугольным камнем в развитии самого патриархата и в культурно-политическом пробуждении Билад аш-Шама (Леванта) в XX в. Один из первых теоретиков арабского национализма, Саты аль-Хусри, впоследствии сказал в своей лекции: «**Освобождение Антиохийского патриархата от контроля греческого духовенства и греческой иерархии стало первой ступенью арабского восстания против османов**»³³.

В этот момент усилия русских дипломатов и педагогов, направленные на укрепление общинной идентичности и чувства принадлежности православных христиан к арабской нации, безусловно увенчались успехом в Антиохии. Однако в Иерусалиме эта политика потерпела неудачу: православный патриарх в Святой земле остается греком и по сей день, несмотря на настойчивые требования палестинских православных об арабизации Иерусалимского патриархата.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

³² Op. cit.

³³ *Ḥuṣrī S. Muḥāḍarāt fī nushū' al-fikra al-qawmiyya* [Лекции о возникновении национальной мысли]. 1st ed. Cairo, 1951. P. 171. *Саты аль-Хусри* (1880–1968) — сирийский модернистский преподаватель и мыслитель, один из теоретиков арабского национализма, министр образования в правительстве короля Фейсала I в Дамаске. В 1920 г., после вступления французов в Сирию, последовал за Фейсалом в Ирак. После пребывания в Сирии и Египте вернулся в Ирак в 1967 г.

Список литературы / References

1. Ḥannā J. *Qabl al-maghīb: tajārib wa-dhikrayāt min ḥayātī* [Перед закатом: Опыт и воспоминания из моей жизни]. Bayrūt, 1963.
2. Hartmann M. *Reisebriefe aus Syrien*. Berlin: Reimer; 1913. 123 p.
3. Hopwood D. *The Russian Presence in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press, 1969. 232 p.
4. Ḥuṣrī S. *Muḥāḍarāt fī nushū' al-fikra al-qawmiyya* [Лекции о возникновении национальной мысли]. 1st ed. Cairo, 1951.
5. Nu‘aymeh M. *Sab‘ūn* [Семьдесят]. 3 vol. Bayrūt, 1960.
6. Nu‘aymeh M. *Tis‘ūn: Wuqūf fī al-muwājahab* [Девяносто: предстояние перед лицом (судьбы)]. Bayrūt: 1988.
7. *Palestinskii Sbornik*. Vol. VI. 1894: August.
8. Ṭarāzī Ph. *Ta’rīkh aṣ-ṣahāfa al-‘arabīya* [История арабской прессы]. Vol. 3. Bayrūt, 1933.
9. Науськивание Франции на Россию в Святой Земле. *Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества*. СПб., 1895. Август. С. 401–409.
France incites Russia in the Holy Land. *Communications of the Imperial Orthodox Palestine Society*. August. St. Petersburg, 1895. P. 401–409 (in Russ).

 Souad Abu el-Rousse Slim
Суад Абу эль-Руссе Слим

D.Sc. (History), Professor, Director of History and Archives department at the research center of Balamand university. Beirut, Lebanon.
e-mail: Souad.Slim@balamand.edu.lb

Доктор исторических наук, профессор, директор департамента истории и архивов исследовательского центра университета Баламанда, Бейрут, Ливан.
e-mail: Souad.Slim@balamand.edu.lb

Поступила в редакцию /
Received
05.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
10.10.2025

Принята к публикации /
Accepted
05.11.2025